

Виктор Иванович ПОЛИЩУК / Viktor POLISHTCHUK

| Креативная природа идеала / The creative Nature of the Ideal |

Виктор Иванович ПОЛИЩУК / Viktor POLISHTCHUK

*Тюменский государственный университет (Филиал г. Ишим), г. Ишим, Россия
Кафедра русской и зарубежной филологии, культурологии и методики их преподавания
Доктор философских наук, Профессор*

*State University of Tyumen (Ishims Branch), Ishim, Russia
Department of Russian and foreign philology, culture and teaching methods
Doctor of Philosophical Sciences, Professor*

КРЕАТИВНАЯ ПРИРОДА ИДЕАЛА

В статье исследуется проблема идеала. История культуры показывает, что природу идеала можно понять лишь в его соотношении с идолом. Оба они выражают собой стремление человека видеть, но идол — это деланный, рукотворный идеал. Иными словами, между идеалом и идолом возникает пространство человеческой — физической или умственной — деятельности, результатом которой является копия идеала. Креативность идеала определяется и его структурой — единством таких ценностей, как истина, добро и красота, а также соответствующими чувствами. С компонентами идеала связан и вопрос о его источнике. Один из лучших ответов на этот вопрос дан Ф. М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы». Противоречие в вопросе об источнике идеала: он не может быть задан человеку ни внешним, ни внутренним образом. Идеал — это испытанные когда-то состояния истины, добра и красоты. Поэтому мы расположены в пользу своего прошлого, и оно всегда идеализируется нами.

Ключевые слова: идеал, идол, истина, добро и красота, прошлое, человеческий опыт.

Слово «идеал» появилось в европейских языках сравнительно недавно. В античности его не употребляли, греки обходились близким по значению термином *ιδέα* (идея), который сходным образом звучал и в латинском языке:

THE CREATIVE NATURE OF THE IDEAL

The article analyses the concept of the Ideal in the history of culture. The author suggests that the nature of the Ideal can only be understood in its correlation with the Idol. It is argued, that the structure of the creative nature of the Ideal consists in the unity of the values such as Truth, Goodness and Beauty, as well as in the feelings correlated to these values. In conclusion, author claims that the Ideal itself can be grasped as the past experience of Truth, Goodness and Beauty. Hence comes our permanent attention to our past, our idealization of it.

Key words: Ideal, Idol, Truth, Goodness and Beauty, the past, the human experience.

idea. Но в позднелатинском появилось прилагательное — *idealis*. К нему и восходит слово «идеал», получившее распространение сначала в немецкой философской терминологии, а затем и в быденном языке.

Виктор Иванович ПОЛИЩУК / Viktor POLISHTCHUK

| Креативная природа идеала / The creative Nature of the Ideal |

В немецкой классике вопрос об идеале был поставлен Кантом в связи с проблемой «внутренней цели». Но уже Шеллинг употреблял понятие идеала как синоним внешней цели, общей для всех представителей человечества. Разрабатывая свое понимание истории, он писал в «Системе трансцендентального идеализма», что существует лишь история людей, видящих идеал, «недостижимый для индивидуума, но достижимый для рода». Следовательно, история, по Шеллингу, есть постепенная реализация «никогда полностью не утрачиваемого идеала», то есть приближение к цели, которая, однако, «остается вечным символом веры творящего и действующего человека».

Более определенно писал об идеале Гегель: это идея, видимая «со стороны ее существования, соответствующего понятию». Идеал, или явление идеи, есть «всякая действительность в своей наивысшей истине». Но и идея – тоже действительность, соответствующая не какому-то внешнему для нее понятию, а своему собственному. Как видим, разница небольшая, но существенная: идеал – это зримая идея, а идея – незримый идеал. Здесь в разных значениях используется общий для индоевропейских языков корень «вид», который и в греческом образовывал слова «видимость», «внешний вид», «наружность», «форма», «образ», в том числе и «идея». Этот корень образует и русское слово «видеть». Иными словами, в рассуждениях об идее или идеале незримо присутствует соответствующая человеческая способность¹.

Таким образом, идея – это чистый вид чего-либо, любой предмет, лишенный телесности, вещественности, материальности. Эта лишенность предмета всего, в том числе и содержания, делают его невидимым, в обычном значении этого слова. Остается лишь «голая» форма, чистое бытие предмета или его «вид» как сама способность человека

к восприятию такого бытия, то есть к видению. А идеал, следовательно, есть итог осуществления идеи, когда истина бытия, по Гегелю, является сущностью и становится, поэтому, видимостью.

В отечественной философии вопрос об идеале наиболее глубоко был представлен в известных работах В.С. Соловьева и Э.В. Ильенкова². Решался этот вопрос обоими мыслителями в разное время, потому и причины обращения к теме идеала были различными. Но общность темы определила собой и схожесть суждений по основному вопросу.

В.С. Соловьев определял идеал как для всех одинаково нужную самоценность, обладающую внутренним безусловным достоинством. Естественно, что он связывал идеал с верой, то есть с состоянием души, почитающей бесконечное Божество. Полное осуществление христианского идеала «всеобщей солидарности и свободного развития всех живых сил человечества» является, полагал мыслитель, конечной целью истории, а общим и необходимым средством для достижения этой цели должно быть «всестороннее развитие культуры». Трудиться в этом направлении – это и есть «задача образованного класса», его служение идеалу. А служение чему-то менее возвышенному, поклонение ограниченному, в том числе и «простому народу», есть не что иное, как идолопоклонничество.

Э.В. Ильенков, следуя гегелевской традиции, развитой в марксизме, понимал идеал не как статичный образ, а как движение к цели. В таком движении идеал, посредством деятельности, конкретизируется, постепенно обретает черты коммунистического строя. На пути к идеалу возможны отклонения деятельности от теоретического норматива (образа цели). Но подобные отклонения как раз и являются способом «реализации всеобщего идеала, это и есть сам идеал»: лишенное гнетущих противоречий сообщество свободных людей, чья жизнедеятельность ничем «внешним» не регламентирована. Идеал – в человеческой жизнедеятельно-

¹ Тот факт, что «вид» и «идея» (идеал) синонимичны, подтверждается различными переводами одного из фрагментов платоновского «Тимея» (51e – 52a): в переводе С.С. Аверинцева там речь идет об идеях, а в переводе А.Н. Чанышева – о виде.

² См.: Соловьев В.С. Идолы и идеалы // Смысл жизни в русской философии. - СПб., 1995. - С. 220–258; Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. - М., 1968.

Виктор Иванович ПОЛИЩУК / Viktor POLISHTCHUK

| Креативная природа идеала / The creative Nature of the Ideal |

сти, а не в ее продукте. Последний становится идолом, если он возвышается над человеком.

Ясно, что Э.В. Ильенков имел в виду, прежде всего, социальный идеал. Ясно также и то, что структура жизнедеятельности предопределяет собой не только конкретно-чувственный и предметный характер идеала, но и его всеобщность как выражение единства многообразных потребностей и интересов. Об индивидуальном идеале философ писал, когда касался вопросов формирования мышления, художественного воображения, в особенности – искусства. Здесь он отождествлял идеал с красотой и свободой.

По-разному определяя идеал, оба мыслителя сходны в отождествлении его с целью развития общества, культуры, истории. Общее у них и представление о соотношении идолов и идеалов. Идол – это подмена идеала, пусть даже в мыслях, то есть нечто надуманное. Его достоинство заведомо ниже человека, своего создателя. Поклонение идолу – источник унижения, несправедливости, зла. А идеал – источник добра, свободы и творчества. Открытым остается лишь вопрос об источнике самого идеала.

Вместе с тем, я не думаю, что идеал нужно отождествлять с целью, видеть его в будущем. С подобным отождествлением можно согласиться, если иметь в виду, лишь социальный идеал. Но и здесь необходимо уточнение. Известно, что человеку, неудовлетворенному наличным состоянием, свойственно желать лучшего, возлагая надежды на будущее. Известно и то, что будущее несет в себе новые проблемы и противоречия. Это хорошо видно из истории российского общества, не раз пытавшегося «прыгнуть» в будущее, отвергая прошлое как якобы несостоявшееся. Поэтому понятие «социальный идеал» в применении к реальному обществу выражает собой либо общечеловеческую склонность к идеализации будущего, либо, как понятие, подменяет собой насильственно внедряемое в общество частное представление о будущем как о цели происходящих в нем изменений. Да и на примере пресловутой «русской идеи» можно видеть, что все попытки как-то выразить сущность ли,

миссию русского народа, так или иначе были основаны на стремлении определить его цель. А употребив, скажем, вместо «идея» слово «идеал», мы будем вынуждены, как романтики или славянофилы, говорить не столько о будущем, сколько о прошлом русского народа, либо о возжеленном для русского человека состоянии беспечности и ничегонеделания. У общества в целом, если иметь в виду его будущее, действительно может быть только цель, которая, разумеется, идеальна, являясь предвосхищением, но не идеал.

Таким образом, идеал – это возможное состояние и свойство личности. Об этом знали еще мудрецы Древней Греции, оставившие заповеди как свои представления о жизненных идеалах. Иными словами, хотя в античности, как уже отмечалось, не было еще понятия «идеал», но соответствующие представления уже были. В мифопоэтической форме они являются прекрасной иллюстрацией процесса превращения идеи в идеал, представленного в немецкой классике. Таков миф о Пигмалионе, знаменитом скульпторе и царе Кипра. Не найдя в живом окружении той, что соответствовала бы его представлению об идеальной женщине, он изваял статую девушки Галатеи. Он любил ее еще и до ваяния, как любит и лелеет свой идеал каждый из нас. И он, естественно, так же продолжал любить созданный им внешний образ своего идеала. Ему казалось, что статую отличает от идеала лишь ее безжизненность. Пигмалион молил богов, чтобы они оживили ее. На его мольбы отозвалась Афродита, которая вообще была равнодушна к киприотам, тем более, если речь шла о любви. Богиня оживила изваяние с условием, что Пигмалион по-прежнему будет любить Галатею. В противном случае девушка обратится в статую.

Долгое время Пигмалион и Галатея как супруги были счастливы. Но однажды Пигмалион, посчитав желание – какое-то вполне безобидное и естественное – Галатеи капризом, в раздражении ударил ее. Она, как и было обещано, вновь стала камнем.

Виктор Иванович ПОЛИЩУК / Viktor POLISHTCHUK

| Креативная природа идеала / The creative Nature of the Ideal |

Почти житейская история. Но ее значение не ограничено, конечно, перипетиями семейной жизни. В мифах речь идет о событиях, которые, перефразируя Шеллинга, много реальнее того, что называют реальным в обычной жизни. В том и состоит «бо́льшая реальность» мифических повествований, что они символизируют общую логику действий человека не только в схожих, но и во всех возможных ситуациях. В мифе о Пигмалионе речь идет о судьбе творца и его творения. В более широком смысле – о соотношении идеала, существующего в сознании, и его рукотворного воплощения. А также о случившейся неудовлетворенности творца созданным им, как он полагал, идеалом. Ведь очевидно, что Пигмалион стал недоволен Галатеей. Менее очевидно, что он был недоволен и самим собой как автором своего произведения. Не настолько, конечно, чтобы наказывать себя самого, хотя недовольство собой, досада на себя – тоже наказание. Еще менее очевидна неудовлетворенность Пигмалиона тем обстоятельством, что внешний, рукотворный вид идеала оказался неидеальным.

Что же в итоге? Был идеал, как представление о женском совершенстве, и возникла идея как намерение, как цель деятельности по материализации идеала. И вот, цель достигнута, а удовлетворенности нет. Но ведь и сам идеал Пигмалиона не вполне удовлетворял: как существу телесному, ему необходима была и телесность идеала. Иными словами, ему необходимо было видеть идеал не как «внутреннюю цель», а как вполне осязаемую, осуществленную вне его самого телесность.

Следовательно, идеал, как образ чего-то совершенного, предшествует идее. До поры до времени человек может жить со своим идеалом, не стремясь к его осуществлению, воспринимая идеал, к примеру, как фантазию, или как мечту, осуществимость которой остается за пределами его желаний. Впрочем, и в самой по себе мечте уже есть что-то отмеченное, наметившееся.

Видимый внутренним зрением, идеал постепенно обретает черты реальности, становится

почти осязаемым. Здесь играет свою роль, конечно, фактор времени. Остро, но кратковременно воспринимаемый идеал может заставить содрогаться все органы тела, а после, возможно, остаться лишь в памяти. Длительно воспринимаемый, он становится основным видом жизнедеятельности человека, то есть идеей своего осуществления. Эта идея есть само стремление человека к созданию идеала, к тому, чтобы видеть его вовне существующим.

Известно, что еще в античности «вид», «форма», «идея» понимались философами как порождающие начала бытия. Это были великие прозрения, определившие собой целые пласты мировой культуры. Власть этих начал есть власть культуры над стихийностью, в том числе и той, что заключена в самом человеке. К культуре относится то, что образовано, что видимо и оформлено. Все это представляет собой, в конечном счете, цель всякой культурной деятельности. А ее началом необходимо полагать «вид» как некий минимум, своеобразный квант культуры³. Можно было бы говорить и о форме, но «вид» лучше выражает идею культуры как сферы человеческой деятельности, поскольку он предполагает существование видящего в качестве субъекта. Форма более отчужденное понятие, она мысленно, по крайней мере, допустима и в отсутствии человека. Кроме того, в культуре безразличен факт видения человеком себя самого. Сам человек есть вид, особенностью которого является способность к видению. Человек есть вид и видящий одновременно, но видимое вовне затмевает его собственный вид. В результате он остается идеей, которая служит порождающей моделью культуротворческой деятельности. Идея вида, следовательно, является идеей культуры. Последняя представляет собой процесс образования идеи, то есть превращения ее в образы, в зримые ценности, и, как кажется, в идеалы. В этом смысле культура есть процесс создания или обретения вида, который, поскольку человек существует для

³ «Вид» здесь употребляется не как подразделение в систематике, входящее в состав высшего раздела – рода, а как внешность, исходный облик и образ культуры.

Виктор Иванович ПОЛИЩУК / Viktor POLISHTCHUK

| Креативная природа идеала / The creative Nature of the Ideal |

себя зачастую лишь как идея, отнюдь не всегда человечен. Но все творчество в культуре – это стремление к тому, чтобы видеть и сделать видение всеобщим достоянием.

Таким образом, культура – это не просто вид человеческой деятельности, она есть деятельность по созданию вида человек. Специфика последнего не в том, что он деятелен или разумен, а в способности к самосозиданию в виде вне его существующих феноменов. Культура – это даже не вид деятельности, а то, каким видит и понимает себя сам человек. Но чем более пристрастен он к видению, тем менее оно содержательно. Вид пленяет и завораживает, он определяет способ деятельности, становящейся все более абстрактной и отчужденной.

Здесь можно привести аналогию с понятием, с законом обратного отношения объема и содержания: чем более содержательно видение, тем менее человек зависим от него и, следовательно, более является самим собой. Наоборот: власть объема видимого есть власть окружающего над человеком, что снижает содержательность последнего и влечет за собой утрату им собственного вида. Иными словами, чтобы в действительности видеть, нужно в то же время и не видеть. Не случайно ведь прорицатели древности были незрячими, не случайно и Демокрит, согласно преданию, ослепил себя.

В.С. Соловьев полагал, что закон обратного отношения не выполняется в случае с идеей. Причина в том, что понятие образуется путем отвлечения признаков, а это ведет к его бессодержательности. Идея же образуется способом привлечения признаков, наполнения ее все новыми образованиями. Поэтому объем и содержание идеи находятся в прямом отношении⁴. С этим рассуждением философа можно согласиться, но применив его к понятию идеала. Что касается идеи, то она, как идея, предположим, добра, отличается от аналогичного понятия лишь устремленностью к соответ-

ствующему идеалу, которая, о чем было сказано выше, именно виду и присуща.

Впрочем, эту устремленность можно представить как нечто противоположное: не мы тянемся к идеалу, а он нас манит и притягивает. Он более весом, чем наше непосредственное окружение, поэтому он как бы искривляет пространство нашей жизни таким образом, что оказывается в его невидимом для других центре. Идеал обязывает нас к соответствию, к уподоблению себе, к тому, чтобы быть, поскольку именно он представляется истинным, а не кажущимся бытием. Но ирония (судьбы или природы нашей) такова, что, как и в истории о Пигмалионе, мы, в конечном счете, обязываем быть не себя, а идеал.

Но что значит «обязываем быть»? Известно, что к специфически человеческим потребностям относится и потребность в поклонении, в почтении. Она непосредственно обусловлена культурой, поскольку «поклонение» входит в число исходных смыслов соответствующего термина. Ценность, удовлетворяющая такую потребность, человек обычно и рассматривает как идеал, то есть как предел своих стремлений, желаний, мечтаний и т.п. Но, поскольку человек, как было отмечено, есть вид как минимум культуры, к числу его потребностей относится исходная потребность – видеть. Развитое сознание вполне удовлетворяется субъективной реальностью, то есть видит идеал в себе. Оно поэтому не идеализирует, не наделяет свойством идеала существующие вовне ценности культуры. Иначе ведет себя неразвитое сознание. Ему присуще убеждение в нереальности субъективного, что, собственно, наиболее ярко и характеризует его неразвитость. Такое убеждение, как полагают некоторые исследователи, является примером «самого, пожалуй, нелепого научного заблуждения XX века»⁵. Из убеждения в нереальности субъективного следует естественный вывод о необходимости объективно, вне сознания существующего идеала. И он, в конечном счете, находится: в виде вещи,

⁴ См.: Соловьев Вл.С. Лекции по истории философии // Вопросы философии 1989. № 6. - С. 123–124.

⁵ Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. - М., 1990. - С. 257.

Виктор Иванович ПОЛИЩУК / Viktor POLISHTCHUK

| Креативная природа идеала / The creative Nature of the Ideal |

которой примысливаются необходимые признаки, или в виде персоны, как предмета поклонения. Так или иначе, человек в культуре обязывает идеал быть вне себя существующим и видимым. В этом суть культуротворческой деятельности.

Но видимый идеал со временем оказывается его видимостью. Причем, не сразу в том негативном значении понятия «видимость», какое приписывают ему в философии. Говоря, предположим, о слышимости, мы не имеем в виду чего-то кажущегося, иллюзорного. Так и с видимостью: прежде всего она означает возможность видеть что-либо. В этом случае видимость относят к самим предметам, наделяя их свойством лучше или хуже видеться. Видимость может означать и простую данность предмета, а также режим его восприятия. Наконец, видимость – это и внешность, преимущественно обманчивая, то есть кажимость. Но и в таком, привычном понимании видимости, ее можно представить, с одной стороны, как обман, с другой – как игру воображения, или духа, о чем писал в свое время Кант⁶.

Видимость, следовательно, оказывается емким, содержательным понятием. И это не случайно, поскольку создание видимости, происходит ли это преднамеренно или нет, присуще любой, в том числе и мыслительной, деятельности. Видимость возникает, когда наша способность видеть становится видением окружающего мира. Или, говоря иначе, видимость – это мир, существующий в качестве способности человека видеть. Поэтому по-человечески воспринимаемый мир предстает как его картина, а невидимое, не данное сразу и непосредственно в познании, в результате деятельности обретает видимые черты.

Но само познание приводит к сомнению в сущности видимого, к убеждению в том, что оно – видимость. Так и с идеалом: критическое, рефлексивное отношение к нему рождает сомнение в его истинности. Отныне он уже не будет восприниматься как что-то возвышенное, достойное по-

клонения. В обыденной жизни обнаружение неидеальных сторон в предмете, воспринимавшемся как идеал, приводит к разочарованию. Нечто подобное можно наблюдать и в научном познании. Во-первых, наука в целом как вид деятельности является идеалом познания для научного сообщества. В частности, таким идеалом может служить определенная парадигма, приверженцы которой идеализируют, как правило, ее когнитивные возможности. Во-вторых, в философии науки принято выделять идеалы, или критерии научности. К ним относят либо степень математизации, либо основные характеристики научного знания, такие как системность, доказательность, обоснованность и т.п. Наконец, в качестве идеала самой науки можно рассматривать постижение истины. Или, более конкретно: «видеть все в истинном виде». К этому, например, стремились основоположники науки Нового времени, полагавшие, что непосредственно видимый мир – это лишь видимость истинного, идеального мира, созданного Богом.

Со временем, однако, наука – классическая, например, – воспринимавшаяся как идеал, обнаруживает свою ограниченность, оказывается лишь подступом к более сложной – неклассической или постнеклассической – науке. То же претерпевают и парадигмы, и идеалы научности, и невидимый до поры до времени «истинный» мир. Идеалы познания перестают удовлетворять, на смену им приходит видение чего-то нового, позже осознаваемого как видимость. Такова динамика не только научного познания, но и культуры в целом.

Природу идеала можно понять лишь в его соотношении с идолом. Оба они выражают собой стремление человека видеть, но идол – это сделанный, рукотворный идеал. Иными словами, между идеалом и идолом возникает пространство человеческой – физической или умственной – деятельности, результатом которой является копия идеала. Человек хочет видеть идеал, он делает его своей целью, и в этом причина появления идолов. По достижении цели он испытывает либо разочарование, либо упоение видимостью идеала, то есть

⁶ См.: Тартуская рукопись // Эстетика Иммануила Канта и современность. - М., 1991. - С. 55 – 62.

Виктор Иванович ПОЛИЩУК / Viktor POLISHTCHUK

| Креативная природа идеала / The creative Nature of the Ideal |

идолом. В виде косных убеждений, предрассудков, заблуждений идола существуют и в сознании, о чем писал еще Ф. Бэкон.

Креативность идеала определяется и его структурой – единством таких ценностей, как истина, добро и красота. Человек способен к созданию каждой из ценностей идеала, но почти не способен к объединению их в чем-либо одном. А стремление к осуществлению истины, добра и красоты по отдельности как раз и обуславливает появление соответствующих идолов. Но с этим связан и вопрос о возникновении, об источнике идеалов.

Сам по себе этот вопрос противоречив: идеал не может быть задан человеку ни внешним образом, где существуют лишь идола, ни внутренним, то есть воображением, где те же идола, но в виде фантазий, химер, вымыслов. Вместе с тем, идеал должен быть и внутренним достоянием человека, и внешним, рожденным вне сознания. Роль такого «внешневнутреннего» в человеке играют чувства, в том числе истины, добра и красоты.

Трудно найти в литературе более впечатляющее описание источника идеала, чем у Ф.М. Достоевского в его «Братьях Карамазовых». В самом конце романа Алеша после похорон Илюшечки обращается к мальчишкам: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. ...Если много

набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение». Речь, правда, в данном случае идет о воспоминании, но существа дела это не меняет. В воспоминании, как правило, прошлое идеализируется, представляясь нам и истинным, и добрым, и красивым, то есть идеалом.

Здесь важны два вывода. Во-первых, идеал – это новое переживание испытанных когда-то состояний истины, добра и красоты. К ним мы относимся как к чему-то объективному, существующему помимо нашего сознания. Но, поскольку эти состояния и переживания испытываются все же нами, мы вправе считать их своими, а не заимствованными извне. К ним мы относимся как к чистой достоверности, полагая при этом, что они даны нам едва ли не свыше.

Во-вторых, человек расположен в пользу своего прошлого, поэтому оно идеализируется им и является источником его идеалов. Он идеализирует и будущее, но, как правило, по меркам прошлого. Об этом свидетельствует и история культуры, и неудовлетворенность ею. В прошлом человек находит свои идеалы, возрождающие в нем человеческие ценности и определяющие, поэтому, его будущее.

